

надорвала ему сердце мысль о том, как легко он дался в обман вероломному другу, который сделал его палачом любимейшего создания и обрек на неминуемую казнь. И эта мысль жгла его душу таким мучительным огнем, что он решил жестоко покарать самого себя и тем хотя бы отчасти искупить свою вину. Раздираемый тоской и яростью, нашел он место, которое показалось ему удобным для того, чтобы привести в исполнение свой неправый приговор и вооружиться лютым бесчинием против собственного сердца. И, отчаявшись, уже хотел он заставить свои члены восстать на их господина и предать его смерти, как вдруг заметил виновника злодеяния – принца Адилона, который, держась в отдалении, наблюдал, удалась ли его затея и выполнило ли свое назначение яблоко: точь-в-точь как охотник, ранивший зверя, идет за ним по следу, пока не увидит, что тот издох. Но пришлось этому несчастному поплатиться за свое преступление: словно взбешенный вепрь, бросающийся на того, кто нанес ему удар, сеньор д'Алегр, как ни был он обессилен душевным иступлением и близостью смерти, не потерял и мгновения, тут же ринувшись на отравителя со шпагой в руке. Видя это, изменник, которого устрасило грозное лицо, пламеневшее праведным гневом, и сознание своей виновности, не нашел для обороны и спасения от нависшей опасности лучшего доспеха, чем собственные ноги. И, бросив наземь плащ и шпагу, пустился бежать. Но сеньор д'Алегр, взревев подобно льву: «А! Так ты, подлый предатель, угостил меня ломбардской отравой!»⁴⁹⁶ – устремился за ним по пятам и, несмотря на защищавшую принца свиту, нанес ему шпагой удар под левое плечо, вогнав острие так глубоко, что пронзил насквозь сердце (полное злобы и коварства, прибавлю я), и Адилон был убит. Затем, не помня себя от ярости, наш француз стал рассыпать удары направо и налево, поражая одного противника за другим и пролагая себе дорогу через окружавшую его толпу. Незадачливые бойцы, видя, что их господин мертв, стали без особого сопротивления разбегаться кто куда, и вскоре неистовый д'Алегр остался один. Переведя дух, он привел в спокойствие и свои мысли, вслед за чем ощутил некоторое удовлетворение, смотря на того, кто причинил ему столько зла. И, скрестив усталые руки на груди, он обратился к мертвецу с такими словами:

– О плоть, в которой обитала неверная и лживая душа, сколь завидно мне твое нынешнее состояние! Ты свободна и избавлена от всех жизненных тягот, а я по твоей вине терплю величайшие муки, и, даже после смерти, ты заставляешь меня страдать. Но я сейчас же положу этому конец.

Сказав так, он поспешил обратно во дворец маркизы и, перешагивая через все приличия, бросился прямо в покои Кларинды, которая, горестно стелая (как герой в отравленной рубахе,⁴⁹⁷ зажигающий на Эте смертный костер), оплакивала не столько свой печальный конец, сколько то, что причиной бедствия по несчастной случайности стал самый дорогой ее сердцу человек и что обманутая доверчивость д'Алегра будет для него источником незаслуженных терзаний, тогда как он совершенно безгрешен. И еще более страхась, что после ее смерти ему предъявят суровое обвинение и приговорят к казни, умирающая принцесса тревожилась только о том, как его оправдать.

Внезапно, не кончив речи, видит она д'Алегра с окровавленной шпагой, который повергается к ее ногам и, глядя ей в глаза, говорит:

– Госпожа моя, этот клинок покарал вероломство коварнейшего из злодеев, живших когда-либо под солнцем, который, думая отравить меня яблоком, нанес мне (увы!) гораздо больший вред, ибо сделал меня виновником вашего недуга и тем казнил так жестоко, как не мог и надеяться. И поскольку я заставил его сполна платить за причиненное мне зло, умоляю вас, сударыня, взыщите и вы с меня за то зло, какое я причинил вам; хотя, чтобы удовлетворить вас по справедливости, мне мало умереть и тысячу раз. Увы! Мне нечем загладить мое преступление. Все же, если не чуждо вам желание помогать несчастным, умоляю: избавьте меня от жизни и от всех ее горестей. Тогда я отомщу моей злой судьбе, из-за которой я стал причиной вашего бедствия и сам себя обрек на гибель. Если же вы находите, что я не достоин такого блага, как смерть от вашей милостивой руки, и что грех мой слишком велик для столь высокой чести, то произнесите хотя бы карающий меня приговор, чтобы я, исполнив его у вас на глазах, мог облегчить ваши мучения хотя бы отчасти. Ваша душа знает жалость; не отказывайте же мне, ради бога, в этом последнем

⁴⁹⁶ *Ломбардская трава* – так тогда назывался любой яд, изготовленный в Италии, где практика политических убийств путем отравления получила очень большое распространение.

⁴⁹⁷ Речь идет о Геракле; не вынеся мук из-за яда, которым была пропитана его одежда, он бросился в костер.